

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 41, Is. 1, pp. 149–156, 2019
DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 82

Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Баира Дугарова

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, г. Улан-Удэ 670047, Российская Федерация)
главный научный сотрудник, отдел литературоведения и фольклористики
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье впервые предлагается анализ изданной в 2017 г. книги «Тэнгрианские песни» русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова, ставшей знаковой в литературе монгольских народов. Актуальным представляется выявление особенностей поэтики и организации стиха национальных поэтов, пишущих на русском языке. *Целью* работы является выявление мифологических традиций и исторических реалий в книге Б. Дугарова «Тэнгрианские песни», а также установление роли жанра, композиции и ритмической организации стиха в семантике поэтического дискурса. *Методы.* В работе использованы семантико-герменевтический и стиховедческий анализ поэтического дискурса. *Результаты.* Баир Дугаров, пишущий на русском языке и живущий в евразийском культурном пространстве, гармонично сочетает Восток и Запад в своем творчестве. Им созданы произведения, имеющие как глубокие национальные корни, так и реминисценции, аллюзии, связанные со всей мировой литературой, мифологией и историей. Семиотически осложненный текст в книге «Тэнгрианские песни» отражает новый этап в творчестве поэта, сопряженный с художественным осмыслением истории, духовного наследия монгольского мира и поисками лирического самовыражения автора. *Выводы.* В мифологическом аспекте образ Неба олицетворяет отцовское начало, как единый бог является вершителем судьбы не только человека, но и всего сущего во вселенной. Поэт создает свою поэтическую интерпретацию истории Великой степи, определяя в ней наиболее значимые акценты через конкретные портреты, топонимы и события. В построении текстов особый смысл имеет форма стихосложения, восходящая к тюрко-монгольским стиховедческим традициям. Необходимо констатировать уникальность в использовании фигурных способов расположения текстов, которые, подчеркивая многообразие творческого потенциала автора, становятся частью метатекстовой структуры всего произведения.

Ключевые слова: небо, песнопения, монгольское стихосложение, жанр, бурятская поэзия, семантика, рифма

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика»). Номер госрегистрации: АААА-А17-117021310268-2)

Для цитирования: Дампилова Л. С. Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Баира Дугарова. *Oriental Studies*. 2019;(1):149-156. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156

***The Tengri Songs* by Bair Dugarov: Myth and History**

*Lyudmila S. Dampilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Doct. of Philological Sc., Chief Research Associate

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Abstract. *Introduction.* The paper provides a first analysis of *The Tengri Songs* (2017) by the Russian-language Buryat poet Bair Dugarov which has proven quite a milestone in literature of Mongolic peoples. It seems essential to identify certain poetic and versification features inherent to works of national poets. *Goals.* The work aims to reveal mythological traditions and historical realities in B. Dugarov's *Tengri Songs*, and to examine the role of genre, composition and rhythmic organization of verses in semantics of poetic discourse. *Methods.* The paper applies semantic-hermeneutical and versification analyses of the poetic discourse. *Results.* Bair Dugarov who writes in Russian and lives in the Eurasian cultural space harmoniously combines the East and the West in his works. His poems reflect the reality both in terms of national specificity, and in that of global cultural space and multiethnic society. The semiotically complicated text of *The Tengri Songs* reflects a new stage in the poet's creative development, the latter dealing with artistic comprehension of history, spiritual heritage of the Mongolian world and a search of the author's lyrical self-expression. *Conclusions.* In mythological perspective, the image of the Heaven (Sky) represents the fatherly principle, the Sky as God ruling destinies of not only humans but also all that exists in the Universe. The poet draws his own history of the Great steppe through emphasizing certain portraits, geographical names and significant events. As for versification patterns applied, a most essential is one that ascends to Turko-Mongolian poetic traditions. It is necessary to acknowledge the unique use of figured text arrangement means which emphasize the abundance of the author's creative potential and, thus, become a part of meta-text structure of the work in general.

Keywords: sky, songs, Mongolian versification, genre, Buryat poetry, semantics, rhyme

Acknowledgements: The article was prepared within the government assignment (project XII.192.1.4. 'Myth and History in Folklore and Literature of the Buryats and Ethnic Russian Residents of Siberia: Common and Specific Features'. Reg. No. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Dampilova L. *The Tengri Songs* by Bair Dugarov: Myth and History. *Oriental Studies*. 2019;(1):149-156. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156

Введение. Духовно-культурные коды монгольских народов обозначены не только в текстах, написанных на родном языке. Национальные писатели, пишущие на русском языке, обогатили отечественную литературу, своими ментальными образами и художественными приемами. Последние годы отмечены возросшей творческой активностью Баира Дугарова, выразившейся в создании произведений, определивших лицо современной бурятской поэзии и имеющих свой особый стиль, жанровые и стиховедческие нововведения: «Сутра мгновений»

[Дугаров 2011], «Азийский аллюр» [Дугаров 2013], «Степная лира» [Дугаров 2015], «Монголжон» [Дугаров 2017а], «Тэнгрианские песни» [Дугаров 2017б] «Сага сансары» [Дугаров 2017в]. Актуальным представляется анализ творчества русскоязычных национальных поэтов, выявление особенностей поэтической организации стиха на русском языке и установление мифологических и исторических составляющих в семантике текста.

Методология и методы исследования. В данной статье впервые проводится семан-

тико-герменевтический и стиховедческий анализ книги «Тэнгрианские песни» (2017) русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова, представляющей определенный итог его многолетних творческих поисков. Задачи работы — выявить мифологические традиции и исторические реалии в книге Б. Дугарова «Тэнгрианские песни», установить роль жанра, композиции и ритмической организации стиха в семантике поэтического дискурса. Как отмечает Ю. Орлицкий в предисловии этого сборника: «Книга плотная и очень разнообразная: и по языку, и по поэтическим техникам, и по необозримой географии — реальной и мифологической» [Орлицкий 2017б: 10].

Результаты исследования и их обсуждение. Тема Вечного Синего неба (Тэнгри / Тенгри) как огромного обитаемого духовного и предкового начала уникальна в литературе тюрко-монгольских народов. Многие исследователи тюрко-монгольской мифологии, не выделяя отдельно тенгрианство и шаманство, считают, что они восходят к архаическому мифологическому мировосприятию. С. Ю. Неклюдов, рассуждая об истоках монгольской мифологии, подчеркивает: «Однако идеологической основой несомненно оставалось архаическое мифологическое мировосприятие, а ритуальная практика складывалась на базе шаманской (или близкой к шаманской) обрядности» [Неклюдов 1981: 186].

Термин *тенгри* (от *tängri*) в мифологии монгольских народов означает 'небо', 'обожествляемое небо', 'небесное божество'. В данной статье выявляем многозначность семантики данного термина и тесную связь неба с землей, определяя небесное как мифологическое и земное — как реальное.

На старомонгольском языке книга называется «Tngri sitülge-yin dayun» 'песни поклонения Тэнгри', где *tngri* обозначено как 'обожествляемое небо', на русском языке название «Тэнгрианские песни» можно прочесть и как «Песнопения Небесам». Культ поклонения Вечному Синему Небу и песни, созданные в честь него, предполагают молитвенные песнопения, по жанру восходящие к древним монгольским поэтическим традициям: гимнам, заговорам, призываниям, восхвалениям. В небесных песнях мифологический мотив явно доминирует, но стоит подчеркнуть, что весь мифологический пантеистический настрой зиждется на исторической основе, поэтому миф и история в поэтическом дискурсе, как

сообщающиеся сосуды, тесно взаимосвязаны.

В жанровом плане книга состоит из поэтических и прозаических текстов, лирический дискурс включает поэмы, сонеты, притчи, стансы, баллады, краткостишия. «Тэнгрианские песни» назвать сборником стихотворений сложно, это цельное произведение с единой темой, системой кодовых ментальных слов, с четко выстроенной композиционной структурой и графическим построением. В первую очередь цельность произведения доказывает такое расположение текстов, что каждый раздел, песнь в разделе и стихотворение в песне невозможно переставить (что естественно в сборниках стихотворений), ибо они скреплены единой идеей, предыдущий текст продолжается в следующем.

Думается, что такую книгу невозможно написать сразу, в ней огромный объем идей, которые вынашивались годами, собирались по крупицам, затем все были выстроены под идеей Неба. В книге, тематически оформленной в единую систему, огромную долю составляют новые стихи, которые скрепляют известные из предыдущих сборников тексты в задуманную концепцию. Некоторые стихотворения остаются неизменными, а другие переделаны согласно лирическому сюжету произведения (например, «Юрта на небоскребе»). Каждый стих так уложен, что создается ощущение плотно подогнанного камушка к камушку, каждый кирпичик на своем месте. В этот монолит стихотворного массива вписываются прозаические вставки, расширяя композиционное и жанровое разнообразие текстового материала.

В современной литературе особо востребован новый визуальный язык с разными знаковыми формами и приемами. Книга оригинально выстроена в синкретическом единстве вербального и иконического (от греч. *eikon* 'изображение') компонентов. Названия книги и разделов даны на русском и старомонгольском письме, каждый цикл завершается стихотворением на русском языке, выстроенном вертикально с обязательной аллитерацией, характерной для традиционного тюрко-монгольского стихосложения. Всей книге задает особую интонацию устойчивое присутствие такого знака, как графическое вертикальное сопровождение, имеющее семантический подтекст: старомонгольская вязь, как письменная, тянущиеся с неба, связывают небесные предназначения с земными реалиями.

Книга состоит из пяти разделов, тесно связанных с темой Неба, каждый раздел делится на три песни. Первый раздел вбирает в себя песни об истории евразийского пространства: «Мать мне — степь, отец мой — гром». В монгольской мифологии издревле в вертикальной модели космоса ураническое, небесное начало маркируется мужским знаком, а хтоническое, земное — женским. Поэт тему Неба связывает с темой земли, символически соединив широкую степь как родные просторы с молниеносным громом.

Его песни о Небе начинаются с «Песни о Великой степи». Степь сохранила керексуры, плиточные могилы, древние молитвы, письма на писаницах. В монгольской мифологии небо над тобой как материальная субстанция воплощает в себе не персонафицированный образ несотворенного, безначального всеильного Вечного Неба.

В шаманских материалах монгольских народов однозначно обозначено Всеильное Вечное небо и Мать Этуген как высшие покровители. «В ойратской сутре «Воскурение Всеильного Вечного Неба»: «Высшее существо — Вечное Синее Небо» [Дулам 1982: 34].

В творчестве Баира Дугарова концепт Небо имеет глубинную связь со всей монгольской мифологией и кодирует позитивное пространство, откуда начинается жизнь. Небо как мифологический образ олицетворяет отцовское начало, создателя мира и всего сущего:

ОТ НЕБА, ПРАРОДИТЕЛЯ
ВСЕМОГУЩЕГО,
ОБРЕТАЕТ ДУХ ТВОЙ КРЕПОСТЬ
ОТ ЗЕМЛИ, ПРАМАТЕРИ ВСЕГО
СУЩЕГО,
ОБРЕТАЕТ ОЧАГ ТВОЙ ВЕЧНОСТЬ
ПОМНИ ОБ ЭТОМ, ПОМНИ, ГОРДЫЙ
СЫН
Ч
Е
Л
О
В
Е
Ч
Е
С
К
И
Й

[Дугаров 2017б: 15].

Прописные буквы и графические знаки несут определенную семантическую функцию в композиции поэтического дискурса. Начальная рифма (начальная аллитерация, анафора) как «знак поэтической традиции не только устной, фольклорной, но и письменной, идущей от „Сокровенного сказания монголов (1240) до наших дней“» [Дугаров 2013: 4], является тем стержнем, который выявляет еще одну особенность песнопений. Единоначатие или бур. *толгой холболго* (досл. ‘соединение голов’), как отмечает Ю. Орлицкий, «важнейший в арсенале его стиховых средств наряду с европейской метрикой (от гекзаметра до верлибра) и строфикой» [Орлицкий 2017а: 126].

В «Золотоордынских напевах», посвященных памяти безымянного Поэта XIV века из улуса Джучи, Б. Дугаров пишет цикл взаимосвязанных стихотворений с обязательной начальной рифмой и параллельной конструкцией в стиле народных песен: «Вьючные бредут караваны. / Вьюгу сменяет зной. / В юрте горит очаг, / Вьется над юртой синий дымок» [Дугаров 2017б: 41]. «Там колышется высокая трава. / Там сияет отчих небес синева. / Табуны пролетают по лону земли. / Тает сизая дымка аргала вдали» [Дугаров 2017б: 42].

Автор с особой наблюдательностью, с ментально точными деталями создал образ монгольского Поэта, живущего на берегу Ижил-реки (Волги) в славном городе Сарай-Бату, с ностальгией воспевающего далекий запах родных становий. Б. Дугаров в поэтическом воображении открывает еще одну развернутую картину забытой монгольской истории.

Б. Дугаров, владея многообразием мировой, русской и монгольской поэтики, выстраивает сложную в стиховедческом аспекте конструкцию. Лирический дискурс «Тэнгрианский акростих» вертикально обрамлен обращением «соог!» к небесным божествам, восходящим к традиционным шаманским гимнам. Акростих, известный с древнегреческой поэзии как посвящение определенному лицу, в данном случае воспекает Вечное Синее Небо.

С
о
о
г
!

Всадников исторгала Великая степь из своего материнского лона,
Евразийская ширь распахивала дали на все стороны света.
Что за сила поднимала рожденных в седле и несла по равнинам?
Нет и не будет предела полету стрелы и грому копыт неустанных,
Очертивших просторы от войлочной юрты до земных горизонтов,
Если того не пожелает сам Тэнгри — Вечное Синее небо.

Соог! — и жрец поднимал пенящуюся кумысом чашу,
Исполняя обряд возлияния Небу — владыке времен и пространства,
Над землей в синеве утвердившему царственный трон мироздания.
Есть в мире Тэнгри, который ведает миром, все видит и знает,
Ежеминутно вращая колесо вселенной и человеческих судеб.

Нет и не будет удачи и счастья рожденному в войлочной юрте,
Если Тэнгри от него отвернется и вслед не посмотрит кибитке.
Благословенье божественное таится в серебряных каплях кумыса,
От земли возносящихся до самого Вечного Синего неба.

С
о
о
г
!

[Дугаров 2017б: 18]

В славословии небесного бога можно услышать отголоски старинной монгольской протяжной песни, ритмы бубна шаманских камланий, традиции древних обрядов подношения Небесам как главной силе, движущей все события земные. Небо является не только отцом, оплодотворяющим началом, но и вершителем судеб мира. Поэтическая фоника в песнопении — «соединение античного гекзаметра и восточной ритмики стиха. Ритмико-смысловое звучание цикла зависит от протяжных народных песен, обращение к гекзаметру предполагает высокий стиль, заданный гомеровской эпикой» [Дампилова 2005: 31].

В разговоре о Великой степи в поэзии Б. Дугарова основное значение имеют великие имена, создавшие ее историю («Чаша Угэдэя», «Слеза Хубилая», «У

памятника Марко Поло», «Тамерлан», «Цокту-тайджи», «На смерть Галдан Бошокту-хана», «Дух Чингиса...»). Вдумчивый автор через призму собственного видения штрихами создает поэтические образы исторических личностей, сыгравших глобальную роль в монгольском мире. Наверное, редко какой поэт так погружен в историю, знает реальные особенности эпохи, событий и окружения каждого из представляемых образов, чтобы читатель мог увидеть глубинный подтекст, открывающийся в небольшом поэтическом дискурсе. И эту конкретную историю своей прародины он соединяет с историей всей Центральной Азии, Средней Азии, Запада, докуда докатилось эхо имени Чингисхана. Краткостишие «Чингисхан» завершает цикл песен о Великой степи:

В	В	Н	Н
о	о	а	о
з	и	в	
в	т	е	д
ы	е	к	л
с	л		и
и	ь	у	т
л		ш	с
	В	л	я
С	е	о	
т	ч		г
е	н	Е	р
п	о	г	о
ь	с	о	м
	т		
п	и	т	с
о		ы	т
	и	с	е
в	з	я	п
о	б	ч	н
л	р	е	о
е	а	л	г
	н	е	о
Н	н	т	
е	и	ь	э
б	к	е	х
а			а

[Дугаров 2017б: 37].

На фоне небесного, абсолютного совершенства незримо присутствует мотив ценности земного, смертного пути. Как сказитель, медленно повествуя о героях прошедших времен, поэт-философ никогда догматически не утверждает свои позиции. Думая о роли человека в истории, лирический герой постоянно размышляет и о собственной миссии в сохранении истории, о смысле бытия: «Сила поэтического слова Баира Дугарова заключается не в том, что оно сообщает человеку те или иные ответы на смысложизненные вопросы, а в том, что оно позволяет ему осознать и, осознав, пережить принципиальное отсутствие каких бы то ни было ответов» [Рыбас 2015: 19].

По концепции данной книги соединяет небо с землей человек творящий, и «Песнь о пешем всаднике», почитающем Небо как свое духовное начало, является необходимым продолжением темы. Баир Дугаров по натуре своей путник, странник, находящийся в постоянном поиске, «бродяга Дхармы», как назвал его чувашский литературовед А. Хузангай: «Он — гражданин мира, но взгляд его остается бурятским» [Хузангай 2015: 241].

Герой Б. Дугарова генетически связан с движением коня, все его творчество пронизано родным кочевым прошлым и, значит, с образом всадника: «И всадники тают, и в грохоте дня / дрожит жеребенок степной — моя память» [Дугаров 1981: 10], «И куда же на потном коне / скачет, скачет кочевник во мне?» [Дугаров 1994: 167], «Лети же, всадник, никогда / судьба твой бег не остановит» [Дугаров 1994: 178], «Я прошел по путям, где промчались монгольские кони» [Дугаров 2017б: 82]. Конь в его поэзии символизирует хронотоп, в котором время прошлое и грядущее сходятся в едином миге, огромное пространство преодолевается лирическим героем в спокойном ритме вечных путешествий в поисках познания жизни.

Как известно, не всякая прозаическая миниатюра может быть поэзией в прозе, и в этой книге очерки, эссе как путевые записи и воспоминания, афористические фрагменты и тексты в прозе со вставленными стихами вписываются в общую канву повествования. Проза его «в не меньшей степени поэзия, чем сами стихи. Рискну сказать, что иногда — больше...» [Орлицкий 2017б: 154].

10]. Это не явная проза, а скорее комбинированный слог: поэтический и прозаический. Возможно, в его прозаических текстах можно усмотреть элементы жанра дневников, мемуаров. Его книга «Сутра мгновений» — дневник в форме гармоничного сочетания прозы и поэзии, где стих продолжает прозаическую часть. И в этой книге явно присутствуют традиции его дневника, наблюдается «зависимость удельного веса слова от контекста, сфокусированность мышления» [Бродский о Цветаевой 1998: 57], характерная для поэта.

«Абзацная аллитерация» (каждый абзац начинается с одной буквы) с разными графическими построениями, подчиняясь внутренней организации текста, дополняют скрытые функционально-смысловые качества прозаического дискурса. В прозе, как и в поэзии, автор особо обращает внимание на фонический уровень, выстраивая ритмику, рифму, строфику и аллитерацию по заданной теме и идее всего раздела.

Эссе «Полчаса с Гумилевым» вписывается в данный раздел как диалог потомка кочевников с ученым, исследователем Великой степи, и не меньшее значение имеет встреча Поэта с Ученым — сыном великих поэтов Серебряного века.

Воспоминание как жанр при всей объективности является сочинительством, поэтому в подобных текстах естественны элементы вымысла, художественного оформления. Поэт при встрече с таким значительным для него человеком сумел услышать его внутренний голос, голос философа, свободного мыслителя. Вспоминающий повествователь настолько духовно близок персонажу, что полчаса проходят как мгновенье, за которое обсудили самые насущные вопросы. Текст воспринимается

как лирическое событие, композиционно выстроен со вступлением, основной частью и эпилогом — стихотворением, завершающим весь разговор: «Кто скажет так мудро и верно о славной Степи — / Прочувствованно добрым и искренним словом?» [Дугаров 2017б: 59].

Заключение. Баир Дугаров, пишущий на русском языке и живущий в евразийском культурном пространстве, гармонично сочетает Восток и Запад в своем творчестве. Им созданы произведения, имеющие как глубокие национальные корни, так и реминисценции, аллюзии, связанные со всей мировой литературой, мифологией и историей. Семиотически осложненный текст в книге «Тэнгрианские песни» отражает новый этап в творчестве поэта, сопряженный с художественным осмыслением истории, духовного наследия монгольского мира и поисками лирического самовыражения автора.

В мифологическом аспекте Небо как духовное начало многозначно. Образ «Тэнгри» в поэтическом дискурсе олицетворяет отцовское начало, как единый бог является вершителем судьбы не только человека, но и всего сущего во вселенной. Поэт создает свою поэтическую интерпретацию истории Великой степи, определяя в ней наиболее значимые акценты через конкретные портреты, топонимы и события. В построении текстов особый смысл имеет форма стихосложения, восходящая к тюрко-монгольским стиховедческим традициям. Необходимо констатировать уникальность в использовании фигурных способов расположения текстов, которые, подчеркивая многообразие творческого потенциала автора, становятся частью метатекстовой структуры всего произведения.

Литература

Бродский о Цветаевой 1998 — Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1998. 208 с.
 Дампилова 2005 — Дампилова Л. С. Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 166 с.
 Дугаров 1981 — Дугаров Б. С. Городские облака. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. 64 с.
 Дугаров 1994 — Дугаров Б. С. Звезда кочевника. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 256 с.

Дугаров 2011 — Дугаров Б. С. Сутра мгновений. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 440 с.
 Дугаров 2013 — Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. 208 с.
 Дугаров 2015 — Дугаров Б. С. Степная лира: Стихотворения. СПб.: Свое издательство, 2015. 304 с.
 Дугаров 2017а — Дугаров Б. С. Монголжон: Стихотворения. Элиста: Союз писателей Калмыкии, 2017. 108 с.

- Дугаров 2017б — *Дугаров Б. С.* Тэнгрианские песни. М.: Воймега, 2017. 280 с.
- Дугаров 2017в — *Дугаров Б. С.* Сага сансары. Улан-Удэ: Новапринт, 2017. 400 с.
- Дулам 1982 — *Дулам С.* Образы монгольской мифологии и литературная традиция. М.: [б. и.], 1982. 222 с.
- Неклюдов 1981 — *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981. С. 183–202.
- Рыбас 2015 — *Рыбас А.* «О песнь поэта — из печали света...» // Дугаров Б. С. Степная лира: Стихотворения. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 18–26.
- Орлицкий 2017а — *Орлицкий Ю.* Кто и зачем соединяет головы (рускоязычная бурятская анафорическая поэзия) // Арион. 2017. № 1. С. 124–127.
- Орлицкий 2017б — *Орлицкий Ю.* «Я трава в человеческом теле...» // Дугаров Б. С. Тэнгрианские песни. М.: Воймега, 2017. С. 3–10.
- Хузангай 2015 — *Хузангай А.* Бурятский бродяга Дхармы // Дружба народов. 2015. № 3. С. 239–243.
- Dugarov B. S. *Gorodskiye oblaka* [The City Clouds]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1981. 64 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Mongolzhon: Stikhotvoreniya* [Mongolzhon: poems]. Elista: Union of Writers of Kalmykia, 2017. 108 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Saga sansary* [The Saga of Samsara]. Ulan-Ude: Novaprint, 2017. 400 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Stepnaya lira: Stikhotvoreniya* [The Steppe Lyre: poems]. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. 304 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Sutra mgnoveniy* [The Sutra of Moments]. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 440 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Tengrianskiye pesni* [The Tengri Songs]. Moscow: Voymega, 2017. 280 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Zvezda kochevnika* [The Nomad's Star]. Irkutsk: East Sib. Book Publ., 1994. 256 p. (In Rus.)
- Dulam S. *Obrazy mongolskoy mifologii i literaturnaya traditsiya* [Images of Mongolian mythology and the literary tradition]. Moscow, 1982. 222 p. (In Rus.)
- Khuzangay A. A Buryat Tramp of the Dharma. *Druzhba narodov*. 2015. No. 3. Pp. 239–243. (In Rus.)
- Neklyudov S. Yu. Mythology of Turko-Mongols: the issue of interrelations revisited. *Tyurkologicheskiy sbornik 1977*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 183–202. (In Rus.)
- Orlitsky Yu. Who and Why Unites the Heads (Russian-language Buryat anaphoric poetry). *Arion*. 2017. No. 1. Pp. 124–127. (In Rus.)
- Orlitsky Yu. I am the Grass in a Human Body. *Tengrianskiye pesni*. Moscow: Voymega, 2017. Pp. 3–10. (In Rus.)
- Rybas A. Oh, Song of a Poet — from Grief of Light]. Dugarov B. S. *Stepnaya lira*. Poems. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. Pp. 18–26. (In Rus.)

References

- Brodskiy o Tsvetaevoy: intervyyu, esse* [Brodsky about Tsvetaeva: interviews, essays]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1998. 208 p. (In Rus.)
- Dampilova L. S. *Simvolika kochevogo prostranstva v poezii Baira Dugarova* [Bair Dugarov's poetry: symbolism of nomadic space]. Ulan-Ude: Buryat Sc. Cent. (Sib. Branch of RAS), 2005. 166 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Aziyskiy allyur. Stikhotvoreniya* [The Asian Allure: poems]. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2013. 208 p. (In Rus.)

